

Н. В. Лафицкая

Анатомия *зависти*

Наталия Лафицкая
Анатомия зависти

«Реноме»

2011

УДК 316.613
ББК 88.52

Лафицкая Н. В.

Анатомия зависти / Н. В. Лафицкая — «Реноме», 2011

ISBN 978-5-91918-081-4

В работе «Анатомия зависти» дана попытка анализа феномена зависти. Зависть рассматривается с разных точек зрения: психологической, философской, социальной, психосемантической, исторической, литературной. Многие приведенные факты публикуются впервые, используются интернет-данные. Зависть рассматривается как на микро-, так и на макроуровне. В книге разворачивается панорама этого сложного явления, позволяющая читателям сделать собственные выводы и заключения. Особый интерес вызывают предложенные автором рисунки добровольцев. Книга является своего рода пионером в исследуемом поле и, несомненно, вызовет большой интерес, как у специалистов, так и у ценителей серьезной литературы. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 316.613

ББК 88.52

ISBN 978-5-91918-081-4

© Лафицкая Н. В., 2011

© Реноме, 2011

Содержание

Предисловие	6
Введение	8
Начало начал	10
Глава 1	13
§ 1. Семантика слова Зависть	13
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Наталия Владимировна Лафицкая

Анатомия зависти

Посвящается моим детям, Володе, Кате, Коле Лафицким

Хочу выразить благодарность академику Донцову А. И., чей яркий талант, дружеская поддержка и вера в меня сделали возможным появление этой книги

Предисловие

Давать характеристику новым явлениям и сложно и интересно. Гуманитаристика последнего времени редко радует нас новыми темами, открытиями, подходами. А тема греховности вообще сузилась до небольшой по численности группы узких специалистов. Наше время драматично по своей сути. Предыдущие этические системы разрушаются, новые не складываются, осуждаемые ранее деяния становятся фетишами, поклоняются не богам, но идолам. Человек теряет духовные опоры и ориентиры. И в это время появляется книга Н. В. Лафицкой, в которой автор рассматривает и анализирует феномен зависти (одного из смертных грехов) всесторонне и почти энциклопедично. В этом контексте «Анатомия зависти» – явление серьезное и значительное. Работ по зависти несправедливо мало. Книга Н. В. Лафицкой призвана восполнить этот пробел. Чувствуется, что автор великолепно владеет материалом; отдельные части исследования – это уникальные научные открытия; язык автора выразителен и ярок. Интересен и необычен визуальный ряд, представленный в приложении.

Книга представляет собой большой научный и обществоведческий интерес и может быть рекомендована как специалистам-гуманитариям, так и тем читателям, которые интересуются социально-философскими и психологическими проблемами.

*Н. А. Гаах, психолог,
кандидат философских наук,
профессор Академии военных наук*

© Зина Кулиева

Введение

Разве можно видеть дерево и не быть счастливым?

Ф. М. Достоевский. Идиот

В наброске к одному гимну Гёльдерлин говорит:

*Знак бессмысленный мы,
Мы не чувствуем боли и почти
Потеряли язык на чужбине.*

Предлагаемое исследование, естественно, далеко от совершенства. Но поскольку любое научное исследование отражает лишь этап развития знаний в той или иной области науки и человеческой деятельности, можно надеяться, что со временем будут появляться новые книги, более полные и гармоничные и по содержанию, и по структуре.

Существует иллюзия, будто свобода разрешает все проблемы. На самом деле она их создает. Настоящая свобода идет параллельно с такими понятиями, как *стыд* и *совесть*. Нам хотелось бы немного поговорить на эту тему, поскольку зависть, в том или ином приближении, касается данных понятий. Эти понятия и близки и далеки друг от друга. Есть поговорка: «ни стыда, ни совести». Эти понятия – части единого. Существует ложный стыд, но не существует ложной совести. Стыдятся обычно социальных или физических несоответствий (несчастий, бедности, уродства). Так, Э. М. Ремарк писал о безногом, который стыдился своих культей, не имел отношений с женщинами из-за этого и стал гомосексуалистом. Интеллигенты Содомы (в стихотворении Наума Коржавина) стыдятся осудить разврат, чтобы их не сочли ретроgrадами.

Слово *совесть* близко к слову *сознание*. В терминах апостола Павла – это сознание внутреннего человека, оценивающего поведение или мысли внешнего человека. Поведение всегда несовершенно, и потому «чистая совесть – уловка дьявола», «добро есть добро». Его не может быть много или мало. Оно есть или его нет. Точно так же и зло остается злом всегда. Поэтому человек обречен жить с нечистой совестью. А. Швейцер, подобно И. Канту, утверждает, что «чистая совесть – уловка дьявола»¹. Человек же, живущий по совести, может ничего не стыдиться. Киники и юродивые отбрасывали стыд. В муках совести есть оттенок стыда (у верующего – перед Богом, у рефлектирующей природы – перед самим собой).

Подытоживая, можно сказать, что стыд – острое чувство неловкости перед людьми, муки совести – внутреннее недовольство собой, своим поступком, о котором никто может не узнать; недовольство отсутствием поступка, недовольство своими мыслями и желаниями. Вопрос, который мы задаем: чувствуют ли люди стыд или муки совести, испытав зависть? Уточним: позавидовал и что-то сделал (плохое) и просто позавидовал (не делая ничего плохого). Было опрошено 1200 человек (дети из группы риска – 300, дети-инвалиды – 274, пожилые люди – 280, люди, страдающие пониженным фоном настроения, – 150, остальные – уравновешенные представители работоспособного возраста). 820 (более 60 %) человек признались, что они испытали стыд, позавидовав и совершив некое неприглядное действие. 160 человек сказали, что стыдились, позавидовав, но действий не совершали. Шесть человек из-за острой зависти и душевных мук по этой причине (затруднялись охарактеризовать, что это – совесть или стыд) были близки к попытке суицида; оставшиеся 114 человек сказали, что чувство зависти им несвойственно.

¹ Гусейнов А. А., Апресян Р. Г. Этика. М., 2002. С. 221.

Было бы интересно проанализировать типологические черты людей, склонных к зависти. Типологий подобного рода не существует. Наиболее приближенной к поставленному вопросу является типология Н. В. Соколовского, созданная на основе принципа отношения человека к правилам и обычаям, без которых невозможна нормальная (по совести) жизнь.

«1-й разряд – относящиеся сознательно к правилам и обычаям жизни, которых они придерживаются.

2-й разряд – относящиеся к этим правилам бессознательно, хотя и живущие по ним.

3-й разряд – сознательно нарушающие нравственные правила из-за выгод, расчетов или в угоду своим страстям.

4-й разряд – нарушающие правила по бесхарактерности»².

Люди в этих разрядах разные по личностным характеристикам, что, собственно, и дало возможность создать подобную типологию. Люди первых двух разрядов надежные, обладают достаточно (а иногда и весьма) твердым характером, на них можно положиться, у них есть понятия о добре и зле, они могут противостоять невзгодам, у них есть, по словам Соколовского, «что-нибудь, да святое». Из их среды выходят выдающиеся личности: Владимир Святой, Владимир Мономах, Александр Невский, Михаил Сперанский.

Из людей второго разряда могут получиться фанатики, они бывают консервативны, но, с другой стороны, являются хранителями традиций.

«Люди, сознательно ради выгод нарушающие правила нравственности, наиболее нежелательные члены общества: обладая часто умом и твердостью воли, они, по выражению пророка Исаяи, не понимают сердцем своим»³. Знают, что такое зло, что такое порок; сознательно творят зло и попустительствуют порокам. Из среды таких людей, по словам Соколовского, выходят «отъявленные злодеи».

«Люди, нарушающие требования нравственности по бесхарактерности, действуют под влиянием мимолетного настроения и окружающих людей. Сегодня такой человек хороший, а завтра, попав в другую компанию, – плохой. Бесхарактерный человек легко изменит, солжет, разболтает доверенную тайну, бросит начатое дело и т. п.»⁴. По мнению известного в XIX веке обществоведа, зависть имеет все шансы укорениться в среде людей из третьего и четвертого разрядов.

Вот что пишет Н. В. Соколовский в заключении к своей статье: «С каждой победой над злом воля укрепляется, а с укреплением воли дальнейшая борьба становится плодотворнее и легче. Позволю напомнить читателю мудрый совет Сократа „Познай самого себя“ и другой мудрый совет Пифагора „Да не смежит сон очей твоих, прежде чем ты трижды не перечислил деяния дня. Куда направлялись шаги твои? Что наиболее пригодного совершил ты для себя? Какого доброго дела не исполнил? И, подведя итог, сотри дурное с душевным сокрушением и радуйся добру“». Когда знаешь свои недостатки и слабости, когда анализируешь свое поведение и можешь к нему отнестись критически, намного проще справляться с теми негативными чертами, которые мешают жить. В том числе и с завистью.

² Соколовский Н. В. Мысли об основах житейской нравственности и человеческого счастья. Ирбит, 1885. 100 с.

³ Там же. С. 103.

⁴ Там же. С. 101.

Начало начал

*Мир представляет собой жестокую драму раздвоения воли к жизни*⁵.

Немецкий просветитель XVIII века Гердер в сочинении «Идеи к философии истории», оказавшем большое влияние на взгляды А. Радищева, писал: «Странно поражает нас, что из всех обитателей Земли человек далее всего от достижения цели своего предназначения»⁶.

Человек в своих антропологических, философских, социальных, психологических, исторических гранях – существо далеко не совершенное, в определенном смысле «кризисное». Вместе с тем существуют идеал и цель высшего, духовного Человека, тот идеал, который и движет им в стремлении превозмочь собственную природу. И отношения между этой реальностью и этим идеалом весьма сложны. Породив разум как орудие своего дальнейшего развития, но орудие, наделенное свободой (к тому же вложенной в противоречивое, смертное творение), эволюция словно пошла на риск. Свобода – это и свобода говорить не только «да» сознательному преобразованию мира, но и «нет», вплоть до решительного и окончательного «нет» самой эволюции. В наше время этот момент балансирования стоит особенно остро. «Возникла реальная опасность родового самоубийства человечества, а с ним и жизни вообще. Ответственность разумных существ значительно больше, чем они могут это представить: в своем „падении“ мы увлечем за собой и всю космическую эволюцию, магистраль которой проходит через жизнь и сознание; своим малодушным, „демоническим“ выбором можем обречь на неудачу весь космогенез. Универсум без нашего совокупного созидательного усилия в деле его творческого одухотворения обернется абсурдом»⁷.

Мы не хотим стоять в стороне от того, что происходит в наших душах, в нашем обществе. Любой ученый, да и просто думающий человек, не может остаться равнодушным и бесстрастным. Мы все должны брать на себя ответственность за происходящее с нами, за то, что происходит в обществе, в котором мы живем. Особенно, если учесть, что «мы живем на рубеже, когда потенция присваивающих цивилизаций, родившихся на заре голоцена, уже близка к исчерпанию, а может быть, и полностью исчерпана. Для того чтобы человечество было способно развиваться и дальше и даже просто сохранить себя в составе биосферы, нам нужны новые и пока никому не известные „парадигмы бытия“»⁸. И наше исследование является именно такой попыткой. Попыткой выяснить, как нам сделать лучше мир вокруг нас. Он несовершенен, наш мир, но другого мира у нас нет.

Мы попробуем рассмотреть, проанализировать и, возможно, понять, что такое зависть («Как много мы знаем, и как мало мы понимаем» – знаменитые слова А. Эйнштейна). Почему зависть, могут нас спросить? На наш взгляд, это интереснейшая из страстей. И вот почему. Так получилось, что эта страсть (эмоция, чувство), пожалуй, единственная, которая является однозначно отрицательной. Близкая к ней по эмоциональной напряженности и побуждению к действию ревность, всегда предполагает наличие любви (привязанности, страсти). А там, где любовь, люди предпочитают если не молчать, то не так уж громко хулить ревнивца, а то и вовсе сочувствовать ему. Мы все помним бессмертного Отелло. Кто главная фигура, к кому прикованы наше внимание и сочувствие? К мавру. К человеку, задушившему свою молодую нежную жену. Мы можем вспомнить «Маскарад» М. Лермонтова. Опять ревнивый муж убивает жену,

⁵ Швейцер А. Культура и этика // А. Швейцер. Благоговение перед жизнью. М., 1992. С. 209.

⁶ Гердер И. Г. Идеи к философии истории человека. М., 1977. С. 140.

⁷ Моисеев Н. Н. Заслон Средневековью. М., 2003. С. 170.

⁸ Там же. С. 95.

а нам его жаль, мы, читая, сочувствуем Владимиру Арбенину. Своего рода психологическая перверсия.

Следующая близкая к зависти эмоция – жадность. Но ее также можно трактовать в положительном аспекте. «Жадный до работы» – слышим мы, и перед нами встает образ этакое трудолюбивого парня, у которого нет времени для всякой ерунды. Жадный может быть скуповатым, скопидомом, бережливым. А это уже просто замечательно. Жадный – экономный, он копит, а следовательно, преумножает, созидает. Своего рода акт творчества. А вот зависть иная. Нельзя ее перевернуть ни в какую сторону со знаком плюс. Абсолютное зло. И этим она притягивает. И отпугивает. И каждый человек боится, что вдруг и он завистлив. А это уже и беда, и горе, и безысходность. Это не Кунсткамера: вошел, подивился, брезгливо поморщился и вышел.

Если это внутри, то это внутри. Вростет в душу, как опухоль, как «чернота душевная», и «соки все брызжущие высосет». Но любой абсолют абсолют не является. В этом-то и есть величие бытия. В этом и есть свобода воли, а, следовательно, свобода выбора. Основная трансцендентальная составляющая нашей жизни.

Если посмотреть на феномен зависти без эмоционального восприятия, убрав ряд ассоциаций и личных неприятных воспоминаний, то мы без труда увидим, что ряд «зависть – действие – разрушение», можно понять несколько по-другому. Разрушение – это созидание наоборот. Коль скоро не могу создать (любить) прекрасное, то могу ужасным образом прекрасное разрушить. Более того, зависть одухотворена, ибо «нет страсти в бездушии» (Тертуллиан). А зависть вполне страсть. Парадокс? Абсурд? А это уж как вы хотите.

Ничего не имело значения. После выдоха не было вдоха. Терпимо, хотя грудь болела. Еще болело сердце, но оно болело всегда. Луна светила, дул ветер и в природе все было как обычно. Свой запас боли, добра, безразличия. «Начало и конец един». В чем един? В одиночестве? В неизбежности? В невозможности повлиять? Он попробовал пошевелиться. Удалось. Потом он сел. Стало лучше. «Хочу танцевать, есть и заниматься любовью». Скажешь тоже. Красная Роза довольно вытянулась. Она частенько составляла ему компанию. Появлялась внезапно, а исчезала, как Чеширский кот. «Рояль безумно, зло хохочет, придумывая, что сказать...», знакомые забытые слова, знакомая забытая мелодия, «села центром я на гвоздь, прорвала себя насквозь, авось выживу». А это что? Гимн сидящего на колу? Жизнь уходила. Или проходила мимо. «Сколько же мне лет», – подумалось ему. Красная Роза хихикнула: «Твои года – твое богатство». Пошлость какая-то, захотелось сказать ему, но Красная Роза вдруг сделалась злобной, большой и прыгнула ему на грудь: удавлю, как козлявку, загрохотало прямо в уши. Он закрыл глаза. Но все равно все видел. Видел облака, месяц, круглый пушистый снег, падающий вниз, нежный, веселый ручей, уходящий вдаль поезд. Красная Роза слезла с него и растворилась в сумерках. Он попытался вздохнуть, но вдоха опять не получилось. Удивительно. Нереальность и хрупкость бытия. Китайские гравюры, бусы из янтаря, звуки домбры. Когда это было? Еще была женищина. Он смутно помнил ее. Как в тумане. Сначала появился запах: терпкий, восточный, но очень приятный, затем волосы... какие были волосы? Как мед, да, как темный мед. На ощупь густые, шелковистые. Он сильно поранил ими руку. Затем глаза... Большие, желто-зеленые, очень блестящие. Их было два, потом, когда он перестал ее бить, смотреть мог только один. Он не хотел ломать такую красоту. Да-да, он вспомнил: женищина была удивительно, необыкновенно красива. Таких сейчас не делают.

Он сидел возле ее искалеченного тела и смотрел, как жизнь вытекает из нее. Появилась Красная Рожка. Допрыгался, урод? Красная Рожка всегда была грубой. Его начало знобить. Появилось ощущение чего-то горячего в животе. С трудом нагнувшись, он с удивлением увидел у себя в животе в области солнечного сплетения очень красивую, инкрустированную перламутром и жемчугом рукоятку ножа. Да, скорее всего, это был нож. Красная Рожка довольно заулыбалась. Ну да, конечно! Это потом он взял ее нож (зачем она его носила?), вложил его ей в руку, зажал ее руку своей и сильно себя ударил. Любовь и голуби. Любовь и кровь, любовь и смерть... Сплошная глупость. Просто нельзя быть красивой такой. А без такой красоты не жить.

Он начал проваливаться туда, чему нет названия. Было очень больно. Особенно болело сердце, но оно всегда болело. А в остальном ничего не имело значения⁹.

На наш взгляд, этот небольшой рассказ очень точно передает природу зависти. И помогает избежать упрощенного и уплощенного подхода.

Закончим мы вступительную часть определением *ревности, жадности и зависти*, взятым в Кратком оксфордском словаре: ревность означает, что кто-то другой забирает или получает «благо» («добро», «хорошее»), которое по праву принадлежит индивиду. Согласно «Английским синонимам» Крабба, «...ревность боится потерять то, что имеет; зависть переживает, видя, что кто-то имеет то, что хочется иметь самому... Завистливому человеку плохо при виде удовольствия. Ему хорошо только при страданиях других. Поэтому все попытки удовлетворить завистника тщетны». Ревность, согласно Краббу, – это «благородная или низкая страсть к объекту. В первом случае – это соперничество, обостренное страхом. Во втором случае – это жадность, стимулируемая страхом. Зависть всегда находится в основе, порождая вслед за собой самые худшие страсти».

Тема, взятая для научного анализа, очень и очень сложна. И вот по какой причине. Она объемна, междисциплинарна и во многом зависит от трактований. В свою очередь, это связано с тем, что затрагивается такой глубинный пласт психологии, что впору говорить о психологии праэтноса, а то и вовсе о прапраэтносе. А попробуй пойми, какая психология была в прапраэтносе... Мы все родом из детства. Все человечество родом из детства. А где оно, наше с вами детство? Откуда мы? Что послужило формированию тех или иных эмоций? Что создало те или иные реакции? Чего мы ждем, чего хотим, чего опасаемся, чего боимся, о чем мечтаем? Какими чувствами мы можем управлять, а какие чувства больше нас и в нас не помещаются? Откуда взялись эгоизм и альтруизм, и вообще, что это такое? Почему «не убий», но «око за око»? Как мы любим и любим ли мы? В какой степени мы люди и что это значит – быть людьми? Какие страсти живут в людях? Откуда эти страсти взялись? Может, из одной точки? И затем раскрылись, как бутон. Середина и вокруг нее лепестки. Такой вот цветок. Цветик-семицветик. И семь смертных грехов.

⁹ Copyright: Наталия Лафицкая, 2008. Свидетельство о публикации № 2810110026.

Глава 1

Психосемантический анализ конструкта *Зависть*

§ 1. Семантика слова *Зависть*

Несколько слов вначале о том, что такое семантика. Семантика в широком смысле слова – анализ отношения между языковыми выражениями и миром, реальным или воображаемым, а также само это отношение (*ср.* выражение типа *семантика слова*) и совокупность таких отношений (так, можно говорить о семантике некоторого языка). Данное отношение состоит в том, что языковые выражения (слова, словосочетания, предложения, тексты) обозначают то, что есть в мире, – предметы, качества (или свойства), действия, способы совершения действий, отношения, ситуации и их последовательности. Термин «семантика» образован от греческого корня, связанного с идеей «обозначения» (*ср.* *semantikos* – обозначающий).

Семантика отвечает на вопрос, каким образом человек, зная слова и грамматические правила какого-либо естественного языка, оказывается способным передать с их помощью самую разнообразную информацию о мире (в том числе и о собственном внутреннем мире), даже если он впервые сталкивается с такой задачей, и понимать, какую информацию о мире заключает в себе любое обращенное к нему высказывание, даже если он впервые слышит его. Интересен в этом отношении анализ пословиц, поговорок, крылатых изречений.

Итак, мы попытались объяснить, почему в исследовании феномена зависти необходим психосемантический анализ.

Смертными в христианстве называют грехи, которые ведут к смерти души. Библия не приводит точного списка смертных грехов, но предостерегает от их совершения в десяти заповедях.

1. Аз есмь Господь Бог Твой: да не будут Тебе бози инии, разве Мене.
2. Не сотвори себе кумира и всякаго подобия, елика на небеси горе, и елика на земли низу, и елика в водах под землею: да не поклонишися им, ни послужиши им.
3. Не приемли Имене Господа Бога твоего всуе.
4. Помни день субботний, еже святити его: шесть дней делай, и сотвориши в них вся дела твоя, в день же седьмый, суббота, Господу Богу твоему.
5. Чти отца твоего и мать твою, да благо ти будет, и да дологоден будеши на земли.
6. Не убий.
7. Не прелюбы сотвори.
8. Не укради.
9. Не послушествуй на друга твоего свидетельства ложна.
10. Не пожелай жены искренняго твоего, не пожелай дому ближняго твоего, ни села его, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ни всякаго скота его, ни всего, елика суть ближняго твоего.

Список восходит к восьми помыслам Евагрия Понтийского, однако печаль заменена на зависть, а тщеславие объединено с гордостью (впервые в такой редакции встречается у Григория Великого в VII веке). Концепция семи смертных грехов получила распространение после трудов Фомы Аквинского (XIII век).

Всего смертных грехов семь: 1. Гордыня. 2. Алчность. 3. Зависть. 4. Гнев. 5. Блуд (Похоть), б. Обжорство (Чревоугодие). 7. Уныние.

Нас будет интересовать, какие чувства возникли в ходе развития общества и человека, а какие являются прачувствами, т. е. какие чувства явились базой для всех последующих и были ли они. Мы будем искать точку отсчета. Нам надо будет разобраться во многих вещах, мы хотим узнать о зависти все, что можно, мы хотим понять, как зависть влияет на наше поведение. Что

ее провоцирует и что редуцирует. Мы хотим знать, где она «живет», «по каким дорогам ходит». И что нам с ней делать. Или как нам с ней жить.

Любое научное исследование строится на допущениях и предположениях. Это и есть гипотеза. А поскольку наше исследование коснется глубокой древности в том числе, нам без допущений и предположений не обойтись никак.

Для начала пойдем от этимологии слова. Интересно посмотреть на два смысловых ряда, предложенные академиком Н. Марром и А. Потебней.

Первый ряд: крес – огонь¹⁰

красота – крада, костер, жертвенник, воскресать

прекрасный – украдкой, красть завидом, завидовать, зависть вихрь.

Второй ряд: «огонь», «жечь», «гореть», «печь».

А. Потебня выводит целую группу понятий, связанную с сильнейшими человеческими чувствами: поживать, пожирать, жажда, жадность, зависть, желание, желанный, жалость, печаль, горе, горечь, гнев.

«История и язык (то есть его создание и усовершенствование) это сменяющие друг друга деятельности человеческого духа...»

«...Язык есть вечно повторяющееся усилие (работа) духа сделать членораздельный звук выражением мысли...»¹¹

Изучению мифологических основ народной лирики много внимания уделял А. А. Потебня. После него проблемой мифологических традиций в народных лирических произведениях, по сравнению со сказками, былинами, заговорами и пр. исследователи занимались мало и фрагментарно. Это направление в науке было несправедливо и надолго забыто.

Мы видим, что зависть по своей семантике относится к мощным древним чувствам. Слово это выводится из понятия «огнь (огонь)», и нам надо понять, чем же являлся огонь для наших пращуров. И найти (или не найти) некие соответствия, поскольку на вопрос о социальной детерминированности тех или иных эмоций нам в конце исследования придется отвечать.

Слова любого языка не образуются в виде случайного или свободного набора звуков и столь же случайного привязывания их к обозначаемым объектам. Существует некая общая закономерность, обусловленная структурой энергетического поля Вселенной. На подобной трактовке происходящего настаивали многие великие умы России. Знаменательно, что именно в России, ставшей родиной научного учения о биосфере и переходе ее в ноосферу и открывшей реальный путь в космос, уже с середины прошлого столетия вызревает уникальное *космическое* направление научно-философской мысли, широко развернувшееся в XX веке. В его ряду стоят такие философы и ученые, как Н. Ф. Федоров, А. В. Сухово-Кобылин, Н. А. Умов, К. Э. Циолковский, В. И. Вернадский, А. Л. Чижевский, В. Н. Муравьев, А. К. Горский, Н. А. Сетницкий, Н. Г. Холодный, В. Ф. Купревич, А. К. Манеев. В философском наследии мыслителей русского религиозного возрождения – В. С. Соловьева, П. А. Флоренского, С. Н. Булгакова, Н. А. Бердяева – также выделяется линия, близкая пафосу идей русского космизма. Имеется в виду то направление в русской православной философии, которое Н. А. Бердяев называл «космоцентрическим, узревающим божественные энергии в тварном мире, обращенным к преобразению мира» и «антропоцентрическим... обращенным к активности человека в природе и обществе». Именно здесь ставятся «проблемы о космосе и человеке», разрабатывается активная, творческая эсхатология, смысл которой, по словам Бердяева, в том, что «конец этого мира, конец истории зависит и от творческого акта человека».

¹⁰ Мы должны учитывать, что представления об огне в народном мирозерцании носило как созидательно-разрушительный, так и сексуально-эротический характер, затрагивая, таким образом, существенные аспекты духовной жизни.

¹¹ Потебня А. А. Мысль и язык // Слово и миф. М., 1989.

Следовательно, не смысл зависит от языка, а, наоборот, язык зависит от смысла и для выражения этого смысла создается. Это дает основания полагать, что на заре становления человеческого рода все языки имели общую основу (праязык), и, следовательно, сами народы (праэтнос) имели общую культуру и верования. И мы можем говорить об определенных чувствах (прачувствах), которые отражаются в ранних (древних) свидетельствах. В Нестеровой летописи (1106) мы читаем: «...быша человеци мнози и единогласии» (говорили на одном языке). В Лаврентьевской летописи (1377) читаем: «род один и язык один». В Библии: «на всей земле был один язык и одно наречие» (Быт. 11:1).

Подобные высказывания есть не только в славянских источниках. Предания об общем для всех языке (а для нас важно, что и культурных традиций) зафиксированы в самых разных концах земного шара, у самых разных народов, например в древнейших шумерских текстах. Мы читаем у Вернадского: «Геологический эволюционный процесс отвечает биологическому единству и равенству всех людей – Homo sapiens и его геологических предков Synanthropus и др. Нельзя безнаказанно идти против принципа единства всех людей как закона природы»¹². Ряд современных исследователей эту идею разделяет. «В основе всех языков, культур и народов, а тем более этнолингвистических общностей вроде индоевропейской или семитской, лежат священные мифоритуалы сотворения мира (космогонические мифы). Они образуют типолого-хронологический ряд, довольно устоявшийся за 82 столетия развития земной цивилизации, начатой примерно с 6300 года до н. э. древнейшим в мире государством Араттой»¹³.

Одни ученые-языковеды к теории моногенеза языка (следовательно, и культуры) относятся скептически, другие считают эту теорию основной. Мы разделяем последнюю точку зрения. Древние арии (некогда нерасчлененная этнолингвистическая и социокультурная общность) были классическими солнцепоклонниками. В их мировоззрении солнце имело много видов и, следовательно, имен. Было связано это с тем, что наши предки летнее и зимнее солнце, например, воспринимали как разные. Солнце на Востоке не было равно солнцу на Западе. В «Махабхарате» дается более ста имен солнечного божества. В древнеславянской мифологии известны такие имена солнца: Хорс, Коляда (Коло), Ярило, Купало. Эрос и Ярило – имена с общей корневой праосновой единого праиндоевропейского божества. Подтверждением этому служит происхождение имени Геры – древнеиндийской богини, супруги Зевса. Яростно-мстительная, ревнивая, завистливая, необузданная, вспыльчивая натура Геры – точное воплощение ее первобожественной сущности, отражающей восприятие нашими пращурами окружающего их мира. Но и само имя Гера первоначально звучало как Яра. Славянские имена Ярослав, Ярополк, Яровит являются однокорневыми с именем Гера. У древнеиндийских богов самым главным выступает краснолицый Сурья, от которого и возникло понятие *красно солнышко* (сурик, с(у)рьезный – из этого же семантического гнезда). Но в пантеоне богов есть еще один небесно-солнечный бог – Svar в переводе с санскрита обозначает *небо, солнце, дневной свет*. Этот же корень лежит и в основе имени главного древнеславянского бога – Сварога.

От исходной корневой основы создалось множество производных слов. Например, к этому ряду примыкают близкие по смыслу слова с корнем *-вар-*, первоначально имевшие в древнерусском языке значение *жар, зной, кипящая смола, вода*. Отсюда слово *варить* и его производные. Обратите внимание на устойчивые словосочетания, связанные с отображением зависти: «сгорела душа», «выжгло душу варом», «глаза зависти, как языки пламени», «душа вареная, на корысти настоянная».

¹² Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера. М., 2002. С. 408.

¹³ Шиллов Ю. А. Прародина Ариев: История, обряды, мифы. Киев, 1995.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.